

Религиоведение. 2023. № 3. С. 41–48.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 3. P. 41–48.

DOI: 10.22250/20728662_2023_3_41

Лялин Р.С.

*Европейский университет в Санкт-Петербурге
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
roma.lualin@gmail.com*

«Совращение в штунду»: преследование сектантов на Черноморском флоте в конце XIX – начале XX вв.

Аннотация. В данном исследовании на основе ранее не вводимых в научный оборот документов РГА ВМФ рассматривается борьба с сектантством на Черноморском флоте на примере штундизма. Анализ значительного корпуса источников позволяет сделать вывод, что флотское командование напрямую занималось борьбой с сектантскими вероучениями: офицеры несли личную ответственность за свой экипаж и выявление сектантства среди нижних чинов. Кроме того, военное духовенство имело скорее подчинённое положение, однако активно взаимодействовало с командованием, занималось «перевоспитанием», оценкой опасности того или иного сектанта. Штабом флота инициируется «инвентаризация» сектантов среди военнослужащих: составляются списки с последователями «лжеучений», за которыми ведётся постоянное наблюдение и контроль, а представителей наиболее вредных и опасных сект высылают на окраины империи, где они продолжают «стоять на учёте» у государства. Штундизм становится главным страхом для офицеров и военного духовенства в результате заложенного в это учение прозелитизма, что воспринимается как серьезнейший удар по преимущественно православному личному составу. Отказ от несения строевой службы, учебной стрельбы или от возможной стрельбы во врага также вызывает стремление пресечь данную тенденцию, из опасений, что это станет примером и для других военнослужащих.

Ключевые слова: Черноморский флот, Севастополь, секты, штундизм, рационалистические секты, протестантские секты

Roman S. Lialin

*European University at St. Petersburg
6/1A Gagarinskaya st., St. Petersburg, 191187, Russia
roma.lualin@gmail.com*

“Diversion to Stundists”: Sectarians’ Persecution in the Black Sea Fleet in the Late 19th – Early 20th Centuries

Abstract. The study is based on the Russian State Archive of the Navy new documents. The article observes the struggle against sectarianism in the Black Sea Fleet on the example of Stundism. Relying on an extensive array of sources, the author concludes that the naval command directly controlled the spread of sectarian beliefs. The officers were personally responsible for their crew and the searching of sectarians among the lower ranks. In addition, the military clergy had a subordinate position, but actively interacted with the command and was involved in “reeducation” and “assessment” of the sectarians. The headquarters of the fleet initiated an “inventory” of sectarians among the crews. Those who followed the “false teachings” were put on lists and constantly monitored. Adepts of the most “dangerous” sects were sent to the outskirts of the empire, where they were controlled by the state. Stundism became the main threat for officers and military clergy as a result of the proselytism embedded in this teaching, which was perceived as a serious blow to the predominantly Orthodox personnel. Refusal of carrying out combat service, practicing shooting or possible shooting at the enemy also caused the desire to suppress this tendency, to prevent its turning into the example for other personnel.

Key words: Black Sea Fleet, Sevastopol, sects, Stundism, rationalistic sects, protestant sects

В к. XIX в. происходит распространение рационалистических сект на юге империи. Одной из наиболее активных становится штундистское учение, зародившееся в эпоху Великих реформ. Серьёзнейшую роль в процессе образования штундистской секты сыграли немецкие протестанты. Поселившиеся в Российской империи немецкие колонисты начинают распространять свою веру среди местного населения, однако впоследствии российский штундизм пойдёт по своему пути: «...штундизм стал на позицию независимости каждой общины, не признавал священнодействий как православия, так и официальных протестантских церквей» [Вардин, 2009, 160]. Постепенно штундисты начинают сближаться с баптистами и пашковцами, однако остаётся течение младоштундистов, отстаивавших своё первоначальное учение и форму организации [Амбарцумов, 2011, 33–35].

Реакция на учение была резко негативной: зачастую штундисты воспринимались как агенты Германии. Данный тезис непреклонно отстаивал К.П. Победоносцев, обер-прокурор Синода: «от немцев ждуют они и избавления от того мнимого политического и социально-экономического гнёта, в котором будто бы держит их правительство России», «дыша ненавистью к православному духовенству, штунда в то же время идёт и против установленного строя русской жизни, и проповедует принципы и взгляды вредного социалистического характера» [Полунов, 2010, 257]. 4 июля 1894 г. издаётся закон, признающий штундизм «наиболее вредной сектой», на основании которого для последователей данного учения вводится ряд строжайших санкций: от запрета на покупку и аренду земли до отчуждения детей от родителей. Однако в действительности было тяжело отличить штундистов от других протестантов, чем они в некоторых случаях пользовались. Более того, нередко при судебных разбирательствах выносились оправдательные или относительно мягкие приговоры [Руфин, 2019, 104–105; Минченко, 2008, 33]. Хотя зачастую к штундистам причисляли и представителей других сект (пашковцев, новомолокан и адвентистов) [Никольская, 2009, 24].

Сектантская «проблема» в Севастополе и Крыму в к. XIX – н. XX вв. серьёзно актуализировалась в результате существенного распространения рационалистических сект. Данный вопрос сильно обеспокоил церковь, что, например, вылилось в рассмотрение вопроса о штундизме в Крыму на Таврическом епархиальном миссионерском съезде духовенства, а также проявилось в строительстве церквей в «проблемных» зонах и увеличении количества проповедей и внебогослужебных бесед со священниками [Белоглазов, 2020, 25]. На съезде заявлялось, что православные, окружённые «массой иноверного, инославного и расколо-сектантского населения», активно с ним взаимодействуют и поддаются под его влияние, что требует укрепления и усиления православной церкви [Бойцова, 2011, 32].

По этой причине рассмотрение антисектантской политики по отношению к штунде на Черноморском флоте, с учётом специфики и особенностей данной организации, а также с использованием обширного массива архивных источников, которые вводятся в рамках данного исследования в научный оборот, является интересным и показательным дополнением к исследованиям по рационалистическим протестантским сектам Российской империи в данный период.

В к. XIX – н. XX вв. до указа 1905 года на флоте ощутимо активизируется деятельность, направленная против протестантов, в особенности против штундистов. Об этом говорит, например, увеличившееся количество документов, посвящённых нижним чинам, принадлежащим к этой секте. Командир 28-го флотского экипажа и эскадренного броненосца «Георгий Победоносец» пишет о старшем стрелке Анисиме Гордиенко, который обучает новобранцев и из-за того, что заподозрен в штундизме должен быть изолирован от других военнослужащих, а также освобождён от занимаемой им должности с целью предотвратить распространение его учения [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 1]. Тот же командир пишет и ещё об одном штундисте, минере Данииле Гридене, который отказался от причастия во время службы [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 2]. Подобного рода свидетельств в 1903–1904 гг. появляется достаточно много [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 3, 8, 11, 16, 20, 22, 23], и все они содержат информацию о нижних чинах, состоящих в сектах, а также о том, высылались ли они на беседу к Настоятелю, что говорит о

строгом контроле штундистов с целью предотвращения распространения данного учения. Кроме того, показателен тот факт, что по вопросу сектантов отчитывались не только командиры, в экипажах которых таковые присутствовали, но и остальные офицеры, в подчинении которых находились штундисты или другие сектанты [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 17, 19].

Также в документах обнаруживается и пристальное внимание к случаям «сращения в штунду» [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 13]. Яркий пример распространения штундистского учения представляет собой история матроса 1 статьи, горниста Никиты Харченко, который во время опроса у священника Адмиралтейского собора рассказал, что в 1893 году лечился в Севастопольском морском госпитале, где познакомился с мастеровым, который понравился ему своим поведением, так как никогда не ругался, хотя над ним из-за этого смеялись другие больные. В беседах с ним мастеровой начал убеждать Харченко, что не следует призывать ни икон, ни крестного знамения, показывая фрагменты из Святого Евангелия, а также рассказал об общине, которая придерживается данных взглядов. Заинтересовавшийся Харченко после выписки спросил в городе (на Корабельной стороне) у прохожих, где находится дом, в котором читают Святое Евангелие, после чего ему указали на дом в Цыганской слободке, который он впоследствии и стал посещать по субботам и воскресеньям. Кроме того, матрос пытался обратиться к священнику молитвенного дома, «желая все же удостовериться нужно ли поклоняться святым иконам». Тем не менее, ему отказали в беседе, сказав, что священнику некогда, и попросили прийти в следующий раз, однако больше Харченко туда не возвращался [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 6. Д. 128. Л. 6–7]. Также, несмотря на увещания и уговоры священника, матрос не отказывался от своих убеждений [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 6. Д. 128. Л. 9], поэтому было принято решение перевести его в войска Туркестанского военного округа [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 6. Д. 128. Л. 14]. В документах ссылаются на правила от 1863 года, в которых раскрывается, как необходимо обращаться с сектантами и раскольниками на военной службе: «нижние чины Морского ведомства, признанные, по своим религиозным убеждениям, вредными, передаются через Главный Морской Штаб в распоряжение Главного Военного Штаба для назначения в отдалённые части войск, как то: на Кавказ и в отдаленные Сибирский или Оренбургский корпуса» [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 6. Д. 128. Л. 11]. Также есть ссылка на Циркуляр Министра Внутренних Дел от 3 сентября 1894 года № 24, согласно которому штундистская секта объявляется «более вредною» [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 6. Д. 128. Л. 11]. Помимо этого, командир экипажа, в подчинении которого находился Харченко, «просил местное Общее Полицейское Управление обратить внимание на это [сектантское собрание – *Р.Л.*] и принять меры к пресечению этого зла, которое может иметь влияние и на других нижних чинов вверенного мне экипажа» [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 6. Д. 128. Л. 10].

Таким образом, история Харченко, с одной стороны, демонстрирует активность последователей штундизма в своей миссионерской деятельности, внутренние поиски отдельно взятого человека, интерес к религиозному вопросу, попытки понять, в чём заключается данное учение и, с другой стороны, показывает тесную связь командования, православных священников и полицейских, которые стараются «отстоять», вернуть в лоно православной церкви Харченко, а затем предотвратить переход в штундизм других нижних чинов, контролировать это городское собрание и поместить не пожелавшего отказаться от своего учения матроса на задворки империи.

Тем не менее, несмотря на то что штундисты сфокусировали на себе основное внимание, нижние чины, являющиеся последователями других учений, также продолжали находиться под строгим надзором командования и периодически становились фигурантами разбирательств и расследований. Например, матроса Николая Дергоусова заподозрили в сектантстве, после чего направили на беседу с настоятелем собора, который определил, что он из беспоповской секты «Феодосиевского лжеучения, который подрывает основы семейств и общественной жизни». У штаба запрашивают разрешение на перевод из морского ведомства, на что в ответ командир экипажа просит проверить, не замечен ли Дергоусов в распространении свое-

го «лжеучения». В результате проверки утверждается, что «ввиду заметного распространения означенной секты между рабочими в городе он не может быть терпим в команде, как могущий служить распространителем своего лжеучения и совращения с православия» [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 91. Л. 7], что подтвердил и начальник штаба [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 91. Л. 8]. После чего его и ещё одного сектанта-штундиста решили перевести в сухопутное ведомство и отправить в Среднюю Азию [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 91. Л. 10]. Однако Николай перед уходом со слезами на глазах начал просить разрешения остаться при своём экипаже, искренне обещая перейти в православную веру, исполнять все обряды, верой и правдой служить «Его Императорскому Величеству Государю Императору» [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 91. Л. 13]. В итоге его оставили при условии, что в свободное от служебных занятий время он будет высылаться для наставлений к настоятелю собора [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 91. Л. 14].

Однако именно штундистское учение и его последователи станут главной проблемой Черноморского флота в религиозном вопросе. В результате одним из аргументов в пользу увеличения количества священнослужителей внутри военного духовенства, служащего на Черноморском флоте, будут именно протестантские секты, которые, как заявлялось, прочно осели в Севастополе и свободно просачивались в ряды военнослужащих Черноморского флота [РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 679. Л. 4, 5, 6].

Непосредственно из доклада «Настоятеля Севастопольского Адмиралтейского Собора Господину командиру 28 флотского экипажа» от 20 ноября 1899 года, у которого на беседе было три военнослужащих, становится понятна причина такого непреклонного отношения к штундизму и концентрированного удара именно по этому учению. Со слов настоятеля, эти нижние чины принадлежат к секте штундистов и «...несмотря на мои увещевания означенные матросы остаются при своём убеждении. Поэтому я считаю этих матросов опасными пропагандистами, так как они по своему ложному учению преследуют единственную цель совращать православных в штунду. Они это тщательно скрывают, действуя тайно, и перед начальством показывают себя совершенно невинными, стараясь не навлечь на себя и тени подозрения. Но живя между матросами им представляется возможность тайно распространять своё ложное учение, и представляется удобным совращать их в штунду. <...> в виду этого является настоятельная необходимость оберегать православных от пропаганды штундистов, под влиянием которых люди, мало понимающие начало православия, легко могут отпасть от православной веры и совратиться в штунду, как это и случилось с упомянутыми матросами» [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 91. Л. 22].

По приказу от 14 января 1905 года на Черноморском флоте начинают пристальнее присматриваться к новобранцам с целью выявить, имеются ли среди них принадлежащие к «штундистскому лжеучению» [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 102]. Также в секретном приказании, подписанном вице-адмиралом Чухниным 16 июля 1904 года, указывается, что штундисты встречаются и среди обучающихся и начальствующих над нижними чинами, например, среди квартирмейстеров и строевых инструкторов. Как указывается в документе, «между ними [штундистами – Р.Л.] часто встречаются люди противоположительственного направления, и, наверное, есть и принимающие только личину штундистов, чтобы легче распространять под видом штунды идеи противоположительственного социализма и отрицания самого правительства. Странно таким нижним чинам давать власть, а значит и возможность распространять свои понятия среди нижних чинов, что они имеют возможность делать совершенно незаметно для офицеров» [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 220]. Как итог, запрещается производить в квартирмейстеры и инструкторы штундистов, а также предписывается вести строгий учет последователей данного учения и хранить информацию о них в штабе порта [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 115, 220]. В результате, как мы можем понять из рапорта командира 36 флотского экипажа, два штундиста были перечислены «в низшие звания и статьи, так как они по своему религиозному убеждению отказываются брать в руки оружие» [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 116]. Кроме того, есть два свидетельства то-

го, что командир 36 флотского экипажа вызывал на беседу двух штундистов и приказывал им не распространять свои религиозные убеждения, в чём ему отказали, заявив, что они должны это делать в связи с их вероучением [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 118–119].

Можно сделать вывод о том, что штундистами занимались отдельно от других сектантов, ограничивали в возможностях взаимодействовать с другими нижними чинами, продвигаться по карьерной лестнице и стремились обратить их в православие. Особое отношение можно объяснить тем фактом, что одним из «требований» к штундисту, как об этом заявляли сами представители учения в разговоре с командиром и как утверждал настоятель, является необходимость вести миссионерскую деятельность. Кроме того, раздражающей тенденцией для начальства определённо выступал отказ от обучения стрельбе или отказ стрелять по неприятелю в случае необходимости. В результате этих проблем, которые, во-первых, приводили к стремительному распространению штундизма среди нижних чинов и, во-вторых, могли способствовать деморализации и отказу выполнять приказы руководства, начальство было вынуждено вычленив штундистскую секту из основной массы и заниматься ей отдельно, тщательно проверяя новобранцев и следя за уже поступившими на службу военными служащими.

Тем не менее, в официальных документах продолжалось постулирование идеи того, что «одна только принадлежность кого-либо из нижних чинов флота к одной из сект, перечисленных в выписке постановлений Миссионерского съезда, не влечет за собою необходимости устранения его из команды флота, так как при этом флоту пришлось бы лишиться значительного процента служащих; при том же на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 21 июня 1863 г. Комитета Министров только сектанты, распространяющие между командами свое лжеучение и совращающие с православия не могут быть терпимы в своих командах» [РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 79. Л. 7].

За деятельностью штундистов не только следили в служебное время, но и контролировали их действия непосредственно в Севастополе: Севастопольская крепостная жандармская команда 26-го октября 1904 года докладывала начальнику штаба Севастопольской крепости о том, что 22 октября было собрание в доме у штундиста Шимко, в котором участвовали два матроса, а также 24 октября в доме Слуцкого прошла встреча, которую посетили 30 человек, в том числе 7 военнослужащих из нижних чинов Черноморского флота [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 27]. Следовательно, производились попытки контролировать социальные контакты штундистов и пресекать распространение «лжеучения» среди нижних чинов и в служебное, и свободное от службы время.

Ещё одним важным вопросом являлась проблема дисциплины, которая была поставлена из-за штундистов, отказывавшихся от учебной стрельбы, применения огнестрельного оружия в целом, что противоречило их учению: «эта ересь бывает нередко причиною вредных в дисциплинарном отношении затруднений: так в настоящее время в экипажах Черноморской флотской дивизии имеется четыре штундиста нижних чина, заявивших, что по учению их секты они не могут употреблять огнестрельного оружия, как средства защиты от врага, при том из четырёх этих случаев три имеют характер лишь заявления о руководящем принципе, а в одном оно было подтверждено прямым отказом исполнить приказание идти на учебную стрельбу», что может оказывать «дурное» влияние на другие нижние чины, «могущих безнаказанно отстраняться от исполнения долга каждого военнослужащего, но и просто может служить немалым соблазном для ленивых и лукавых людей делать заявления о принадлежности к секте ради лишь одной возможности уклониться от труда обучения огнестрельному оружию и стрельбе им» [РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 5656. Л. 7].

В итоге интерес к штундистам существенно возрос из-за этой проблемы: в служебной записке старшему флагману Черноморской флотской дивизии речь идёт о гальванере 3-й роты 36-го флотского экипажа Павле Громадском, который отказался идти на учебную стрельбу, «заявив, что его религиозные убеждения не позволяют ему стрелять и даже брать винтовку», в результате чего его арестовали и собирались судить [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 40].

В ответ на подобные заявления штаб Черноморского флота и портов Черного моря 9 декабря 1904 года приводит список штундистов и просит «проверить все ли перечисленные здесь нижние чины обучаются стрельбе в цель, не было ли отказов, а также опросить будут ли они исполнять приказание стрелять в неприятеля» [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 54]. В рапортах командиров экипажей содержатся разные сведения на этот счёт: от согласия стрелять в цель и в неприятеля [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 56] до отказа стрелять по врагу [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 57] (следует отметить, что опрашивались и представители других учений и сект, например, молоканин [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 57] и старовер [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 59]).

Командирам также было поручено проверить всех штундистов и узнать, кто из них принял штундистское учение на службе, а кто до неё. В довершении всех штундистов, даже тех, кто не должен был ввиду специальности учиться стрельбе, следовало отправить на стрельбу и впоследствии доложить о результатах [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 133]. В связи с этим главнокомандующий приказал «всех отказавшихся стрелять в цель перечислить в матросы 2 статьи, а за отказ исполнить приказание предать суду» [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 176]. И, как следствие, трое военнотружущих нижних чинов, в том числе стрелок-инструктор, за отказ стрелять были преданы суду [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 178-179], а после разжалованы в матросы [РГАВМФ. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 182, 183].

Заклучение

Даже в самый разгар антисектантской кампании к. XIX – н. XX вв., направленной против рационалистических протестантских сект, в рамках которой сектанты существенно ограничивались в правах, как таковых серьёзных мер на флоте предпринято не было. Наблюдение и контроль за ними были обусловлены тем фактом, что нижние чины Черноморского флота набирались из населения всей Российской империи, поэтому сектанту было довольно просто проникнуть в эту структуру. Закономерно, что власти и командный состав опасались распространения сектантских учений среди военнотружущих, а также последующей их миссионерской деятельности в регионах империи, куда возвращались матросы и офицеры после отставки. Следовательно, Черноморский флот выступал одной из тех немногих структур, которые способствовали активному перемещению населения из одной части империи в другую, пропуская через себя множество людей, в том числе и сектантов, которые через «совращение» из православия сослуживцев могли распространить своё учение в их родных местах.

В рамках антисектантской политики флота ощущаются общеимперские тенденции: для Черноморского флота характерно негативное отношение к штундизму, обусловленное, например, мнением, что штундисты отстаивают «идеи противоправительственного социализма и отрицания самого правительства». Главной причиной пристального внимания и повсеместного контроля за представителями этой секты служили случаи «совращения в штунду», а также специфическая для флота проблема отказа обучаться стрельбе. Кроме того, «работа» со штундистами происходила при участии офицеров, несших личную ответственность за подобные случаи внутри своего экипажа, военного духовенства и полицейских Севастополя, однако она инициировалась и координировалась именно флотским командованием.

Несмотря на тенденцию к усилению веротерпимости в империи продолжала существовать чёткая иерархия, на вершине которой находилось православие, а ряд верований и учений вообще получал статус внесистемных, даже антисистемных. На основании срастания русской идентичности и православной веры и в целом объяснения православия частью официальной идеологии можно расценивать антисектантскую политику на флоте, политику контроля, учёта и вычленения наиболее «вредных» и «опасных» распространителей-«совратителей» как действия, направленные на поддержание православной веры среди нижних чинов, необходимость «оберегать» и «хранить» православное население.

Список сокращений

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота

Библиографический список

1. Амбарцумов, И. В. Русский штундизм, общество и власть в XIX – начале XX в / И. В. Амбарцумов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2011. – № 5 (42). – С. 30–47.
2. Белоглазов, Р.Н. Развитие конфессиональной ситуации в Севастополе на рубеже XIX–XX веков / Р.Н. Белоглазов, С.Н. Осиповский // Манускрипт. – 2020. – № 2. – С. 23–29.
3. Бойцова, Е.Е. Политика российской государственной власти по отношению к нехристианским конфессиям на территории Таврической губернии на рубеже XIX–XX веков / Е.Е. Бойцова // Причерноморье. История, политика, культура. – 2011. – № 6. – С. 27–35.
4. Вардин, А. Насколько самобытным было баптистское движение в Российской империи? / Вардин А. // Богословские размышления. – 2009. – № 10. – С. 158–166.
5. Минченко, Т.П. Русская православная церковь и проблема религиозной свободы / Т.П. Минченко // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 309. – С. 31–36.
6. Никольская, Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 годах / Т.К. Никольская. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 356 с.
7. Полунов, А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России / А.Ю. Полунов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 374 с.
8. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 1026. Оп. 1. Д. 551. Л. 1–3; 8; 11; 13; 16–17; 19–20; 22–23; 27; 40; 54; 56–57; 59; 102; 115–116; 118–119; 133; 176; 178–179; 182–183; 220.
9. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 417. Оп. 4. Д. 5656. Л. 7.
10. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 417. Оп. 6. Д. 679. Л. 4–6.
11. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 920. Оп. 4. Д. 79. Л. 7.
12. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 920. Оп. 4. Д. 91. Л. 7–8; 10; 13–14; 22.
13. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 920. Оп. 6. Д. 128. Л. 6–7; 9–11; 14.
14. Руфин, С.М. Правовое положение баптистов и адвентистов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Саратовской губернии) / С.М. Руфин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 104–108.

Текст поступил в редакцию 24.02.2023.

Принят к печати 03.05.2023.

Опубликован 28.09.2023.

References

1. Ambarcumov I.V. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* [St. Tikhon's University Review. Series II: History. The history of the Russian Orthodox Church]. Moscow: Pravoslavnyj Svyato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet, 2011, no. 5(42), pp. 30–47 (in Russian).
2. Beloglazov R.N. *Manuskript* [Manuscript]. Tambov: Gramota, 2020, no. 2, pp. 23–29 (in Russian).
3. Bojцова E.E. *Prichernomor' e. Istoriya, politika, kul'tura* [Black Sea region. History, politics, culture]. Sevastopol: filial MGU v g. Sevastopole, 2011, no. 6, pp. 27–35 (in Russian).
4. Vardin A. *Bogoslovskie razmyshleniya* [Theological Reflections: Eastern-European Journal of Theology]. Kyiv: Evro-Aziatskaya teologicheskaya asociaciya, 2009, no. 10, pp. 158–166 (in Russian).
5. Minchenko T.P. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2008, no. 309, pp. 31–36 (in Russian).
6. Nikol'skaya T.K. *Russkij protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905-1991 godah* [Russian Protestantism and State Power from 1905 to 1991]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2009, 356 p. (In Russian).

7. Polunov A.Yu. *K.P. Pobedonoscev v obshchestvenno-politicheskoj i duhovnoj zhizni Rossii* [K.P. Pobedonostsev in the socio-political and spiritual life of Russia]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010, 374 p. (In Russian).
8. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-Morskogo Flota* [Russian State Archive of the Navy]. Fund 1026. Inventory 1. File 551. Fols. 1–3; 8; 11; 13; 16–17; 19–20; 22–23; 27; 40; 54; 56–57; 59; 102; 115–116; 118–119; 133; 176; 178–179; 182–183; 220 (in Russian).
9. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-Morskogo Flota* [Russian State Archive of the Navy]. Fund 417. Inventory 4. File 5656. Fol. 7 (in Russian).
10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-Morskogo Flota* [Russian State Archive of the Navy]. Fund 417. Inventory 6. File 679. Fols. 4–6 (in Russian).
11. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-Morskogo Flota* [Russian State Archive of the Navy]. Fund 920. Inventory 4. File 79. Fol. 7 (in Russian).
12. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-Morskogo Flota* [Russian State Archive of the Navy]. Fund 920. Inventory 4. File 91. Fols. 7–8; 10; 13–14; 22 (in Russian).
13. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-Morskogo Flota* [Russian State Archive of the Navy]. Fund 920. Inventory 6. File 128. Fols. 6–7; 9–11; 14 (in Russian).
14. Ruffin S.M. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye ot-nosheniya* [Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. History. International Relations]. Saratov: Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet im. N.G. Chernyshevskogo, 2019, no. 1, pp. 104–108 (in Russian).

Submitted for publication: February 24, 2023.

Accepted for publication: May 03, 2023.

Published: September 28, 2023.